

Предуведомление автора

Очерк основан на двух выступлениях, прошедших в октябре 1928 года на заседаниях Общества любителей искусства Ньюнхемского колледжа и литературного кружка колледжа Гертон¹. Поскольку исходные тексты лекций были слишком объемны, их пришлось несколько изменить и дополнить.

1

«Как же так? — наверняка спросите вы. — Мы просили вас выступить на тему “Женщины и литература”! При чем здесь своя комната?» Постараюсь объяснить. Когда мне предложили поговорить о женщинах и литературе, я отправилась к реке и, сидя на берегу, стала размышлять. Можно произнести пару слов о Фанни Берни², упомянуть о Джейн Остен, воздать должное таланту сестер Бронте. Перед мысленным взором возник усыпанный снегом дом пастора Бронте в Хауорте³. Далее добавить несколько остроумных замечаний о мисс Митфорд⁴, коснуться творчества Джордж Элиот⁵ и не забыть про миссис Гаскелл⁶. Казалось бы, вот и все! Однако, если вдуматься, в названии лекции «Женщины и литература» кроется множество смыслов.

Возможно, вы хотите услышать мои мысли о женщинах вообще. Или о женщинах-писательницах и об их литературных произведениях. А может, мне следует рассказать о женщинах и книгах, которые им посвящены? А если иметь в виду, что три эти аспекта неразрывно связаны между собой, стоит осветить заданную тему, учитывая их все?

Когда я начала рассматривать тему лекции с позиции объединенного подхода (он показался мне наиболее интересным), то обнаружила в нем существенный недостаток. Я не смогу прийти к какому-либо определенному заключению. Я не смогу исполнить первейший долг лектора, который видится мне в том, чтобы после часового выступления вручить каждому слушателю крупицу непреложной истины, дабы она веки вечные хранилась где-то в тетради, брошенной на каминной полке. Единственный вывод, к которому я пришла, касался частного вопроса: *«Если женщина собралась стать писательницей, ей необходимы деньги и своя комната»*. При этом фун-

Вирджиния Вулф

даментальные проблемы истинной сути женщины и истинной сути литературы остались бы нераскрытыми. Эти два вопроса — женщины и литература — так и останутся без конкретного вывода. Они, на мой взгляд, не имеют однозначного решения.

Зато в качестве компенсации постараюсь растолковать вам, каким образом я пришла к умозаключению о деньгах и своей комнате. Сейчас я стану развивать свою мысль тем же путем, что позволил мне прийти к данному выводу. Возможно, если я озвучу без всяких прикрас суждения и предрассудки, скрывающиеся за этим высказыванием, вы увидите, что некоторые из них имеют отношение к женщинам, а другие — к литературе. В любом случае, поскольку предмет обсуждения крайне деликатный (а вопрос пола именно таков), на стопроцентную откровенность рассчитывать не приходится. Можно лишь надеяться, что вам приоткроют логику рассуждений, которые привели к той или иной точке зрения. Замечая недомолвки, предубеждения, наконец, причуды рассказчика,

слушатели сумеют сделать собственные выводы. В данном случае художественный вымысел ближе к правде, чем реальный факт. А поскольку я и сама писательница, вот вам рассказ о двух днях, предшествовавших моему приходу сюда. О том, как, придавленная бременем непростой задачи, возложенной на мои плечи, я тщательно все обдумала и умудрилась найти решение!

Полагаю, излишне говорить, что рассказ — лишь плод моего воображения. Название Оксбридж⁷, равно, как и Фернхем⁸, выдуманно. Местоимением «я» обозначается не существующее в реальности лицо. И хоть я выстрою перед вами грандиозный обман, все же в нем может оказаться некоторая толика правды. Ваша задача — найти эти самые крупницы истины и решить, стоят ли они, вместе или по отдельности, того, чтобы их сохранили. Если нет, вы, несомненно, выбросите все это в мусорное ведро и забудете.

Итак, недели две назад, погожим октябрьским днем я (зовите меня Мэри Бетон, Мэри Сетон или Мэри Кармайкл.

Впрочем, можете вставить сюда любое другое имя — это неважно) сидела на берегу реки и предавалась размышлениям. Непростая тема лекции — женщины и литература, — порождающая массу споров и противоречий, а также необходимость подведения в конце выступления какого-то определенного итога, — все это давило тяжким грузом. Слева и справа листва кустарника, словно объятая пламенем, полыхала осенним золотом и багрянцем. На противоположном берегу в неизбывной печали склонились над водой плакучие ивы, распустив свои длинные волосы. В воде причудливо отражался то кусочек неба, то часть моста, то яркая листва кустарника. Вот по реке проплыл на лодке студент, но потревоженные веслами изображения вновь вернулись на место, словно и не было никакой помехи. Предаваться мыслям на берегу реки удавалось особенно хорошо, и время бежало незаметно. Я бесцельно смотрела на воду, как вдруг, тихонько движимая течением, в реке блеснула мысль (назовем сей феномен громким именем,

хотя он того пока и не заслуживает). Шли минуты, мысль покачивалась туда-сюда посреди зыбких отражений и водорослей, проглядывающих сквозь прозрачную воду. И вдруг клюнуло! Мысль неожиданно приобрела ясные формы и очертания. Теперь самое главное потихонечку выудить ее из воды. Наконец, мой улов лежит на берегу. Сколь же невзрачной и мелкой показалась мне эта мысль при ближайшем рассмотрении! Хороший рыбак такой улов выкинет обратно в воду. Что толку в эдакой мелочи? На один зуб не хватит. Пускай рыбешка сначала подрастет, нагуляет жирка...

Не стану сейчас говорить, в чем заключалась мысль, — внимательные слушатели все сами поймут по ходу рассказа. Несмотря на скромный масштаб, мысль обладала одним характерным свойством: очутившись в сознании, она загадочным образом преобразилась, став интересной и важной. Призывно сверкающая мысль носилась в голове, порождая массу идей и заставляя действовать немедленно. Вот почему вскоре я почти бегом пересекала лужайку. Вне-

запно впереди возник незнакомец. Правда, я не сразу догадалась, что размахивающий руками любопытный субъект в визитке и парадной рубашке пытался привлечь мое внимание. Его лицо выражало гнев и ужас. На выручку пришла интуиция: это университетский педель⁹, а я женщина. Я шла не по дорожке, а по газону, на который допускались исключительно студенты и преподаватели. Таким, как я, следовало ходить по гравийной дорожке.

Цепочка умозаключений выстроилась буквально за пару секунд. Стоило мне сойти с травы на дорожку, как педель спокойно опустил руки, а его лицо более не выражало гнева. И хоть идти по гравию было менее приятно, ничего страшного не случилось. Я могла попенять сотрудникам и студентам учебного заведения, к территории которого вот уже три столетия относился злосчастный газон, лишь на то, что из-за этого происшествия моя мысль внезапно скрылась в неизвестном направлении. Сейчас уже и не вспомню, в погоне за какой идеей я столь неосмотрительно нарушила правила.

В то октябрьское утро на землю, словно теплое облако, снизошло ощущение умиротворения. Если вы ищете умиротворения, то лучшего места, чем четырехугольные дворы¹⁰ Оксбриджа, не найти. Прогуливаясь мимо старинных университетских зданий, я чувствовала, как суетность настоящего растворяется в окружающей красоте и спокойствии. Я словно оказалась внутри волшебного стеклянного купола, куда не проникал ни единый звук. Сознание, освобожденное от постоянного воздействия фактов (если только вы не шагнули на запретный газон), парило в чудесной невесомости, наслаждаясь гармонией текущего момента.

И тут совершенно случайно в памяти всплыл давний очерк о поездке в Оксбридж на каникулах, а затем имя Чарльза Лэма¹¹. «Святой Чарльз», как выразился Теккерей¹², с благоговейным трепетом прикладывая ко лбу письмо Лэма. Далее я подумала (передаю вам свои мысли в том порядке, в каком они меня посещали), что среди всех людей, отошедших в мир иной, Чарльза Лэма мож-

но назвать самым великим гением. Вот бы спросить у него: «Скажите, как вы писали свои очерки?» Ведь эссе Лэма превосходят даже работы Макса Бирбома¹³, при всем их совершенстве. Лэма отличает смелый полет фантазии и гениальность, подобная яркой вспышке молнии, — благодаря этому рождается текст, пусть и неидеальный, но божественно поэтический.

Примерно сто лет назад Лэм посетил Оксбридж. И, конечно, написал очерк (название не припомню) об увиденной здесь рукописи одной из поэм Мильтона. Речь вроде бы шла о поэме «Люсидас». Лэм поведал об охватившем его чувстве ужаса при мысли, что хоть одно слово поэмы могло бы быть другим. Любые изменения, даже сделанные рукой самого Мильтона, казались святотатством. В следующее мгновение я ради забавы стала припоминать поэму «Люсидас», пытаюсь угадать, какие именно слова изменил Мильтон, и почему. А потом меня осенило: рукопись, на которую смотрел Лэм, находится в какой-то сотне метров отсюда! А что, если повторить

маршрут Лэма и, пройдя через двор, отправиться в ту самую библиотеку, где хранится знаменитое сокровище? По пути я вспомнила, что в библиотеке можно увидеть еще один шедевр — рукопись романа Теккерея «История Генри Эсмонда». По мнению литературных критиков, это произведение — вершина творчества писателя. Однако, на мой взгляд, некая искусственность языка, стилизованного под речь восемнадцатого века, затрудняет восприятие. Разве только подобный стиль был действительно присущ Теккерею. И вот тут могла здорово помочь рукопись. Взглянув на нее, легче понять, какие изменения вносил автор и почему: делалось ли это ради формы или ради содержания. В таком случае далее необходимо решить для себя, что такое форма, а что — содержание. Вопрос, который...

Но вот и дверь библиотеки. Видимо, я успела потянуть за ручку, так как в следующее мгновение, словно неумолимый ангел, путь мне преградил тщедушный седой старичок; правда, вместо белоснежных крыльев у него была черная мантия. Сле-

лав запрещающий взмах рукой, он добавил тихим голосом, что женщины в библиотеку допускаются исключительно в сопровождении члена Университетского совета либо при наличии рекомендательного письма.

Тот факт, что знаменитая библиотека была проклята женщиной, на данном заведении никак не сказался. Спокойная и величественная, надежно хранящая от посторонних глаз многочисленные сокровища, библиотека пребывает в глубоком и, как мне кажется, вечном сне. Вот пусть никогда и не просыпается! Не стану тревожить гулкое эхо в ее коридорах, ни за что не вернусь сюда, чтобы еще раз испытать на себе местное «радушие». Такой зарок дала я, спускаясь в ярости по ступеням.

До обеда оставался целый час. Чем бы заняться? Побродить по лугам? Пойти к берегу реки? Стояло чудесное осеннее утро; с деревьев, тихо шурша, падали багряные листья. Оба варианта казались одинаково привлекательными. Внезапно до моих ушей донеслась музыка: где-то неподалеку шла служба или празднование. Вскоре я при-

близилась к часовне. Сквозь распахнутую дверь слышались торжественно-печальные звуки органа. Даже глубокая скорбь христианства в этом полном благостного умиротворения воздухе больше походила на светлую грусть; стоны древнего органа были проникнуты безмятежностью. Я не хотела заходить в часовню, даже если бы имела право. Шагни я внутрь сейчас, наверняка ко мне тут же подскочил бы церковный служитель, требуя предъявить свидетельство о крещении или рекомендательное письмо от декана. В большинстве случаев часовни столь же прекрасны снаружи, как и внутри. Я с любопытством наблюдала, как прихожане входили в часовню и выходили из нее, словно пчелы, роящиеся возле летка улья. На многих я заметила мантии и шапочки, у некоторых даже с кисточками. Кого-то привезли в инвалидных креслах, другие, хоть и не старые, но уже скрюченные в самые диковинные формы, передвигались с огромным трудом, точно крабы и раки, ползущие по песку. Прислонившись к стене часовни, я подумала, что университет